

Глава 29, часть 1. Шаг вперед

Вечерний сумрак окутывал комнату, где Чан Ле, с трепетной заботой, менял повязку на ране Юй Цинцзе. Каждый раз, глядя на шрамы, покрывающие спину старшего брата, в его сердце бушевали противоречивые чувства: грусть от воспоминаний о том, что довело Юй Цинцзе до такого состояния, и нежная благодарность за его самоотверженность. Синяки, расцветшие на теле Юй Цинцзе, ещё не сошли, а цвет его кожи, оттененный шрамами, казался пугающе бледным. Разрез на левом плече, заживший к утру, вновь разошелся, словно протестуя против изнурительного подъема в горы. Все эти отметины – свидетельства его мужества, его готовности пожертвовать собой ради спасения Чан Ле. За двадцать два года жизни никто, кроме семьи, не протягивал ему руку помощи, не защищал от жестокости мира. В детстве над ним насмехались, издевались, он был глухим и немым, ошарашенным и беззащитным. Память, однако, осталась острой, всё помнила. Даже во взрослом возрасте, когда он научился жить с ограничениями, он чувствовал на себе тяжелый взгляд жалости и отвращения. Особенно в последние годы, когда сваты и родной дядя пытались выгодно женить его, он угадывал их намерения по холодным взглядам. Но Юй Цинцзе был иным. Он видел его немоту, видел уродливые шрамы, но в его глазах не было ни отвращения, ни жалости. Он рискнул своей жизнью, чтобы спасти его. И даже будучи раненым, не думал о своих травмах, а ставил безопасность Чан Ле выше всего. В взгляде старшего брата Чан Ле видел сожаление и жалость, но это была жалость, согревающая душу, такая же, как взгляд бабушки, отца и матери, взгляд заботы. Чан Ле был поражен собственными мыслями, покачал головой, отгоняя их. Как могло прийти в голову слово "забота"? Он и Юй Цинцзе были совершенно разными. Что могло заставить старшего брата смотреть на него с такой нежностью? Ведь Юй Цинцзе был исключительным человеком: он научил его и младшего брата читать, обучил Чан Хао боксу и кунг-фу, а теперь делился с ними знаниями о лекарственных травах, чтобы они могли зарабатывать на жизнь. Как мог существовать на свете такой добрый человек? — Фу, эти шрамы действительно раздражают! — пробормотал Чан Ле, нахмурившись. Он осторожно смочил тряпку в теплой воде и протер вокруг раны. Боясь задеть ее, он двигался очень медленно, опасаясь применить слишком много силы. В конце концов, его сила была не такая, как у обычных людей. Юй Цинцзе чувствовал осторожность Чан Ле, его сердце забилося быстрее. — Брат Ле, все в порядке, сейчас не очень больно, а у меня толстая кожа, можешь не волноваться. Думаю, грязь не сотрется, если не прикладывать силу. — произнес он. Чан Ле поджал губы, проигнорировав его слова. Вы говорите, что хотите, а я вытираю, как хочу. Очистив рану, он снова тщательно вытер спину Юй Цинцзе. Из-за травмы старший брат не мог мыть спину одной рукой, а также боялся намочить рану, поэтому Чан Ле взял на себя обязанность вытирать спину ему каждый день во время смены повязки. Лицо Юй Цинцзе выражало беспомощность. Он даже не мог выразить свои чувства. Почему брат Ле так заботится о нем, так нежен? Это щекочет ему сердце... Сменив лекарство, Чан Ле жестами подозвал Юй Цинцзе, с очень серьезным выражением лица. Пообщавшись с ним некоторое время, Юй Цинцзе уже мог понять некоторые простые жесты Чан Ле, но более сложные оставались неразгаданными. В этот момент Чан Хао не было рядом, он пошел принимать ванну. Бабушка Чан кипятил воду на кухне. Подумав, Юй Цинцзе неуверенно спросил: — Ты хочешь сказать, чтобы я обратил внимание на рану? Чан Ле кивнул, снова покачал головой и сделал еще два жеста. Юй Цинцзе посмотрел на его жесты, первый означал "не надо", а что после него он не мог догадаться. Нет, что нет? Случилось так, что Чан Хао пришел после душа, поэтому Юй Цинцзе быстро позвал его, чтобы он перевел. — Мой брат сказал, что у тебя сегодня снова открылась рана. Я хочу, чтобы завтра ты хорошо отдохнул, не бегал, особенно нельзя ходить в горы. — перевел Чан Хао. Юй Цинцзе фыркнул. Значит, он имел в виду не ходить в горы. — Все в порядке, брат Ле, я чувствую себя намного лучше, и я хочу, чтобы завтра ты отвез меня за белым грибом и вернулся, чтобы высушить. — сказал он. Чан Ле с очень серьезным выражением лица пожал ему руку и отказался. Более того, он не стал ждать, пока Юй Цинцзе снова заговорит, а развернулся и ушел с умывальником в руках, спиной выражая свой отказ! Чан Хао посмотрел

на него, усмехнулся и сказал:— Мой брат не возьмет тебя туда. Брат Юй, завтра ты должен остаться дома, чтобы оправиться от травмы. Юй Цинцзе: ...Иногда этот маленький характер довольно милый. Через некоторое время Юй Цинцзе сказал Чан Хао:— Сяо Хао, научи меня языку жестов. Я даже не понимаю, о чем говорит твой брат, когда тебя и дедушки нет рядом. Это слишком неудобно. Чан Хао услышал эти слова, его глаза загорелись:— Хочешь научиться? Хорошо, хорошо, я научу тебя. Заговорив, Чан Хао начал рассказывать Юй Цинцзе, что означает этот жест, что означает тот жест... Когда Чан Ле пришел с лекарством и увидел, как его младший брат учит Юй Цинцзе языку жестов, он остолбенел на месте. Под тусклым светом стояли двое мужчин, один большой, другой маленький, один делал серьезные жесты, другой серьезно смотрел на него, время от времени раздавались смешки. Брат Юй действительно изучает язык жестов с Сяохао? Это для того, чтобы уметь читать свои собственные жесты? (Автор: Если я не упоминал раньше, "сяо" - это ласковое обращение, которое используется перед именем знакомого человека. Например, Чэнь Хао = Сяо Хао). Чан Ле почувствовал теплоту в сердце, сцена, разыгравшаяся перед ним, так тронула его. Может быть, в будущем я тоже смогу общаться со старшим братом Юем без барьеров? Как с дедушкой и Сяохао? Он улыбнулся и улыбнулся. Чан Ле не знал, почему он так счастлив, но его сердце словно обмакнули в мед. На следующий день Чан Ле не взял Юй Цинцзе в горы, а пошел один и набрал большую часть тремеллы. Юй Цинцзе был беспомощен. Так как он не мог пошевелить рукой, и от него не было никакой пользы, он решил зайти в дом старосты деревни, чтобы посмотреть, как поживают их рисовые грядки.***

<http://bllate.org/book/15392/1358271>